

Игорь Гергенрёдер

**Рассказы знавших
Скорцени и
Геббельса**

16+

Игорь Гергенрёдер

**Рассказы знавших
Скорцени и Геббельса**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гергенрёдер И. А.

Рассказы знавших Скорцени и Геббельса / И. А. Гергенрёдер —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Автор, происходя из немцев Поволжья, 23 июля 1994 прилетел из экс-СССР в Германию на постоянное место жительства. Его встретили коренные немцы, которые имели связи с Россией и кому он был известен по газетным публикациям. Он обязан немецким друзьям знакомством с людьми, лично знавшими Отто Скорцени и Йозефа Геббельса. Рассказы знавших их, которые в точности воспроизведены в предлагаемой книге, нигде ранее не публиковались.

Содержание

Он знал Отто Скорцени	6
Продолжение истории Хансйорга	9
Бабушка	10
Незабываемая зимняя страда	12
Старый немец в раздумье	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

29 августа 1994. Я в гостях у моего нового друга Уве Ландсманна в деревне, которая, как он сказал, зовётся Wolfsruhe, что поначалу мною было понято: Волчий Отдых. Я заметил – довольно странное название. Может быть, имеется в виду волчье логово? Нет, объяснил Уве, не логово, а место, где уставший волк на короткое время приляжет. «Ага! – сказал я себе. – Тогда я бы перевёл: Волчья Передышка». Русский язык даёт богатые возможности для выбора синонима нужной окраски.

Сегодня, когда мы проснулись и, позавтракав, выпили обязательный кофе, мой друг сказал:

– Мы посетим одного человека.

Он знал Отто Скорцени

Уве положил в багажник своей «татры Т613» килограммов пять помидоров, столько же репчатого лука, и мы поехали. Наш путь пролегал через город Гранзее. Мой друг произнёс:

– Он был в битве под Москвой.

Я понял, что это о человеке, к которому мы едем, и сказал:

– Ага! Тут в супермаркете продают водку «Московскую»?

Друг ответил, что водку из России продают точно, но каких марок – не знает. Подрулив к супермаркету, он помог мне, инвалиду, войти в него. Я узнал пол-литровые бутылки с бело-зелёными этикетками, на них вверху, на белом фоне, выделялась надпись «Moskovskaya», а ниже «ОСОБАЯ», на зелёном фоне значилось по-русски «Московская особая водка». Стоила она десять марок. Я купил бутылку.

Наша поездка продолжилась. На мои вопросы о том, к кому мы едем, Уве отвечал скупно:

– Воевал всю войну до конца, потом был у русских в плену. Пусть сам расскажет, если захочет.

День стоял тихий, солнце грело, но не пекло, как месяц назад. По сторонам дороги на лужайках попадались группы косулей. Потом слева открылся луг, на нём изгородь из кольев и проволоки окружала обширный участок, где я увидел довольно много бычков и крупного быка, а также жилой вагончик. По дальнему краю участка протянулось строение: как я понял, хлев, створки его двери были распахнуты.

Возле вагончика стоял человек и смотрел на нашу машину. Подойдя к воротам, он открыл их, и мы вкатили на участок. Я вылез из машины. Уве, который, понятно, опередил меня, пожал человеку руку, сказал ему обо мне:

– Он переселенец из России.

Уве знал, что мои родители во время войны были в Трудармии в Южно-Уральских местах РСФСР, потом мы переехали в Новокуйбышевск тогдашней Куйбышевской области, оттуда я, после пяти лет учёбы в Казани, переехал в Кишинёв, из которого и прилетел с семьёй в Германию.

Человек пожал руку мне, сказал:

– Меня зовут Хансйорг.

Я назвал моё имя.

Хансйорг был худ, лет семидесяти пяти; гладко выбритый, он видимо, не стриг свои сплошь седые довольно густые волосы; слегка растрёпанные, они почти касались плеч. На нём была роба: просторные брюки и блуза из грубой материи цвета какао. Он напомнил мне советского актёра Юри Ярвета, который в начале семидесятых сыграл короля Лира в одноимённом кинофильме.

Я протянул ему бутылку «Московской».

– Это вам!

Он с улыбкой произнёс французское «мерси», пригласил нас в вагончик, где поставил бутылку на полочку. В вагончике были койка, столик, стул, металлическая печка, примус, на полках – посуда. Уве внёс пакеты с помидорами и луком.

– По стаканчику! – предложил хозяин, взял со столика бутылку с напитком, налил стаканы.

Напиток вспенился, это была газированная наливка из чёрной смородины крепостью семь градусов. Мы выпили.

– Он не пьёт пиво, – пояснил мне Уве о хозяине.

В вагончике чем-то нещадно остро пахло. В руках Хансйорга оказался свёрток, в нём был сыр.

– Только лучший сыр так воняет, – сообщил Хансйорг, – мне его привозит внук прямо из сыроварни. Будем есть снаружи, здесь слишком тесно.

Мы вышли наружу, у вагончика стояли стулья, столик. Я сел, Уве и хозяин вынесли к сыру белый хлеб, луковицы, солонку. Хансйорг, опять уйдя в вагончик, включил, судя по раздававшемуся гудению, примус, вернулся с ножом в руке. Точно такой нож я видел в кухне у Уве. Ножи эти, с кровостоками, с наборными рукоятками, в СССР называли финскими.

Хансйорг очистил ножом луковицы мне, Уве, себе, отрезал от сыра три больших куска, мы стали есть сыр с хлебом и луком. Такого вкусного сыра я не пробовал.

Уве и хозяин заговорили о делах, попутно мне давались объяснения, и я услышал: с концом ГДР Хансйорг не захотел жить на пенсию, оставил жену на попечение дочери, взял в аренду участок земли, стал разводить бычков. Сейчас их у него двадцать два. Хозяин показал мне рукой на двадцать третьего рыже-бурого, который был не бычком, а взрослым крупным быком:

– Видишь того? Его зовут Аугуст.

И рассказал, что, когда партию бычков загоняли в фургон, чтобы везти на бойню, Аугуст сумел соскочить с мостков и убежать. Бык трое суток скитался в лесу, но, изголодавшись, пришёл домой. Хансйорг произнёс именно «домой».

– И я решил, что он будет жить здесь, пока сам не умрёт. Я взял с сыновей слово, что, если умру раньше, они исполнят мою волю.

Уве вдруг спросил меня:

– Ты знаешь Скорзени?

Он сказал «Скорзени» – так немцы произносят эту фамилию.

Я уже привык к формулировкам вопроса – «знаешь такого-то» вместо «знаешь о таком-то» – и ответил: ну, конечно, знаю! он похитил арестованного Муссолини и доставил его Гитлеру и вообще был легендарным диверсантом!

– Это сказки! – возразил Хансйорг, которого Уве заданным мне вопросом спровоцировал на разговор.

– Скажи мне, какие диверсии он совершил? – обратился ко мне ветеран. – Только выкрал Муссолини и создал себе рекламу. Самолёт был маленький, лётчик не хотел сажать с Муссолини его, такого великана, боялся, что не удастся взлететь над горой, которая была перед ними. Но Скорзени настоял.

– Если бы он, – продолжал Хансйорг, – вправду хотел во что бы то ни стало спасти Муссолини, то не сел бы в самолёт. Но тогда не он, Скорзени, доставил бы Муссолини к Гитлеру, не ему досталась бы слава похитителя и спасителя. И он решил – пусть лучше погибнем Муссолини и я, но никому другому славу не отдам!

– И в самом деле, – заключил рассказчик, – самолёт едва-едва не врезался в склон горы.

Его самого, по словам Хансйорга, там не было, но сохранились свидетельства очевидцев, всё это известно.

– Я служил в подразделении Скорзени в России в сорок первом году, он тогда и сам не думал, что прославится как диверсант, – сказал ветеран.

Он поведал, что был артиллеристом. Подразделение, которым командовал Отто Скорзени, включало полевые 75-миллиметровые и другие пушки, миномёты. Пушки, миномёты влекли полугусеничные бронетранспортёры и шестиколёсные автомобили. Были и самоходные орудия, а также грузовики для взвода сопровождения.

– В подразделении Скорзени поддерживал дух братства – этого у него не отнимешь, – произнёс рассказчик, как мне показалось, не без сожаления.

– Поддерживал каким образом?

– Он мог, дав какое-нибудь поручение солдату, угостить его сигаретой, поднести к ней зажигалку, хотя сигареты мы все получали и так, – был ответ.

– Он ел с солдатами из одного котла? – спросил я и услышал: – Да, но в этом не было никакого нововведения со стороны Скорцени. Во всех германских частях, в отличие от румынских, от итальянских, меню для солдат и офицеров было одинаковое.

(Я мог бы добавить: и в отличие от Рабоче-Крестьянской Красной Армии, где офицеры получали дополнительный паёк).

– Скорцени умел производить сильное впечатление на солдат, играя истого жожака, – ему помогали его рост и внушительно-твёрдый голос, – проговорив это, рассказчик привёл пример.

Однажды он собрал вокруг себя молодых солдат пополнения и, затянувшись сигаретой, заговорил. Кто мы, мол, такие – люди Ваффен СС? Представьте: грузовик на дороге переехал кошку, она раздавлена – растеклась кровь, мозг наружу. Мы берём её за шкуру, – передавая это, Хансйорг как бы что-то сжал большим и указательным пальцами, – приподнимаем так, чтобы её повисшие лапки касались дороги. Приказываем: «Стой!» И она стоит. Приказываем: «Беги!» И она бежит. Её заставляет бежать сверхволя.

(Поясню: Ваффен СС – части СС, воевавшие на фронте наряду с частями Вермахта).

Ветеран напомнил, что в первые недели войны тяжёлых боёв с Красной армией, как правило, не было, многие русские сдавались в плен, и молодёжи в подразделении Скорцени было приятно вообразить – противник пасует перед сверхволей.

– Никто не сомневался, что у нас прекрасный командир, – отметил Хансйорг и продолжил рассказ: – Русские, отступая, оставляли много исправных тракторов. Один офицер говорил Скорцени, что надо взять сколько-нибудь, они нам пригодятся. Скорцени смеялся, называл русские трактора хламом.

Ветеран поведал, что в конце лета Скорцени заболел, его увезли на лечение, и тогда офицер, принявший командование, приказал брать с собой попадавшиеся брошенные трактора. Был сентябрь, было тепло, о русском морозе не думали, а о том, что такое распутица в России, никто понятия не имел. Скорцени вернулся, устроил офицеру выволочку за взятые трактора, которые зря жрут горючие. А тут полили дожди, дороги превратились в кофейную гущу – тогда-то трактора и помогли.

– Колёса, гусеницы нашей техники полностью погружались в грязь, при помощи одних машин мы пытались вытянуть из грязи другие, тонувшие в ней, но отказывали моторы, рвались тросы. Нам с самолётов сбрасывали новые тросы. – Хансйорг, отдавшись воспоминаниям, прикрыл глаза. – А русские трактора выдерживали, не ломались и не так увязали в грязи.

Продолжение истории Хансйорга

– Кажется, суп готов! – ветеран прервал повествование, он и Уве ушли в вагончик, спустя пару минут вернулись, неся кастрюльку, миски, и мы стали есть сварившийся на примусе томатный суп «из пакетика».

Как только покончили с супом, Хансйорг сказал:

– А кто надоумил нашего офицера взять русские трактора? С самого начала наступления нашим механикам требовался хороший помощник, и мы взяли русского парня из пленных. Скорцени называл его, как всех русских, Иваном, но его имя было Олег, – рассказчик сделал ударение на «о». – Мы его уважали как равного коллегу, звали по имени. Он научился объясняться на ломаном немецком, я с ним подружился.

– В люфтваффе лучших лётчиков, которые сбили больше ста самолётов, называли экспертами, – пояснил ветеран. – А наш Олег был экспертом техники! Благодаря ему, трактора служили безотказно, но он и в нашей технике стал прекрасно разбираться.

– А Скорцени не поумнел, – заметил о своём бывшем командире Хансйорг и перешёл к следующему эпизоду.

На подходе к одному городу, в поле с перелесками, оборону заняла советская пехота, пушек при ней не было. Скорцени приказал не тратить снаряды, а отцепить от пушек бронетранспортёры, которые использовались как тягачи, и направить их на пехотинцев, чтобы уничтожать и рассеивать их пулёмётным огнём. Но оказалось, поведал ветеран, что какое-то число русских зарылись в землю.

– Такие укрепления называют лисьими норами. Их трудно разглядеть, зато оттуда, из замаскированных лазов, вас видят отлично. И у солдат в этих норах были противотанковые ружья, они продырявили два наших бронетранспортёра. Сколько после этого пришлось истратить снарядов и мин!

– Теперь скажи, – обратился ко мне рассказчик, – был ли Скорцени хорошим командиром?

Впереди ожидало ещё интересное. Немцы, войдя в город, увидели брошенный советский разведывательный броневладелец. Экипаж вывел его из строя, но Олег привёл его в порядок, и что же? На нём стал ездить Скорцени.

– Скорость – девяносто километров в час, а у нашего аналогичного, – только восемьдесят – сообщил Хансйорг.

– Поэтому Скорцени его и взял, чтобы в случае чего убежать, – сказал Уве и рассмеялся. Ветеран кивнул, потом сказал:

– Благодаря этой починке, он оценил Олега.

Бабушка

Скорцени, сказал Хансйорг, страдал какой-то болезнью то ли желудка, то ли печени, из-за чего уезжал, как было упомянуто, лечиться, однако болезнь снова давала о себе знать. Подразделение вошло в деревню, о которой Олег сообщил, что бывал в ней и что тут живёт ведунья, исцелившая многих больных.

– А мы слышали, что среди русских есть загадочные колдуны и колдуньи, кому доступны тайны, недоступные науке, – пояснил ветеран.

На это я высказался: известно, мол, что элита нацистской партии и СС увлекались оккультизмом, в особенности верил в сверхъестественные силы и пытался экспериментировать с ними главный эсэсовец Гиммлер.

Хансйорг кивнул и сказал: неудивительно, что Скорцени приказал найти и привести ведунью.

– То была по виду настоящая ведьма! – воскликнул ветеран. – Вокруг головы – чёрная повязка, из-под неё выбивались седые длинные растрёпанные волосы. Лицо в резких морщинах, а глаза такие острые, какие я видел только ребёнком во сне, когда мне на ночь прочитали страшную сказку.

Я поинтересовался, во что была одета старуха, и услышал, что обута она была, как я понял из объяснений, в лапти, до щиколоток доходила длинная юбка с многими карманами, имела их и «куртка из овчины». Я представил тулупчик.

Старуха спросила Скорцени, на что он жалуется. Вопрос был, конечно, задан по-русски и состоял из самых простых слов. Олег его перевёл. Командир, куря сигарету, стал отвечать, Олег продолжал переводить. Старуха заверила, что знает, как вылечить, но надо заплатить. Скорцени, затянувшись сигаретой, прикрикнул: пусть она не принимает его за дурака и сначала покажет своё умение. Тогда бабка протянула руку, потребовала дать ей окурочек и объявила: если это будет исполнено, заядлый курильщик больше не захочет курить. Скорцени усмехнулся и бросил ей окурочек, она его ловко поймала, не обжёгшись, спрятала в карман. У неё были необыкновенно проворные руки. После этого она ушла.

Через какое-то время Скорцени велел её привести – его не тянуло курить.

– Мы выступили из деревни, старая женщина за деньги согласилась ехать с нами, её посадили в кузов грузовика с солдатами, – рассказывал Хансйорг.

Мне представилась живописная картина: германский грузовик Опель Блиц, в чьём кузове сидят солдаты в касках, и среди них – русская мрачная бабка в тулупчике, вокруг её головы – чёрная повязка, из-под которой выбиваются седые космы.

– Олег называл старуху «бабушка», – последнее слово рассказчик произнёс с акцентом по-русски. – И её стали так называть немцы, включая командира.

Когда въезжали в какой-нибудь населённый пункт, бабушка выбирала избу и, сопровождая русские слова жестами, указывала солдатам выгнать из неё всех. Потом она в избе что-то готовила – чаще на огне. Олег говорил – она варит коренья, травы, он видел у неё древесный уголь, мёд и что-то похожее на засохшую кровь на тряпке. В избу приглашался Скорцени, Олег оставался тут как переводчик. Старуха, говорил он Хансйоргу, давала командиру помаленьку снадобий, шептала непонятные заклинания. И происходил торг.

– Торг? – переспросил я, думая, что не совсем понял ветерана.

– Именно торг! – подтвердил он.

За каждое применённое средство бабушка требовала заплатить рейхсмарками, Скорцени мотал головой, утверждая, что средство стоит гораздо меньше, чем названная ею сумма. Старуха повторяла и повторяла её хриплым голосом, направляла на немца растопыренные указательный и средний пальцы, плевала на пол. Последнее более всего действовало на Скорцени.

В конце концов они уговаривались на сумме более той, какую первоначально хотел он дать, но немного меньше того, что требовала бабушка.

– Ему действительно помогало её лечение? – спросил я Хансйорга, и он ответил: – А как же иначе? Ведь она продолжала ехать с нами, и он ей платил.

Но когда, поведал ветеран, немцы были уже недалеко от Москвы, ударил ранний мороз, и бабушка будто узнала: русские начнут их громить. В одной деревушке она потребовала оставить её.

– Скорзени покричал на неё и сдался. Она осталась с накопленными деньгами. Олег передал мне – на прощанье она сказала Скорзени, что многие погибнут, но он даже не будет ранен. Его ждут успехи и слава.

Незабываемая зимняя страда

Морозы под Москвой, вспоминал ветеран, были ужасные. Скорцени, как все заметили, опять стал курить.

– Люди огромного роста обычно умными не бывают, но среди них встречаются очень хитрые, – поделился соображением Хансйорг. – Когда под Москвой русские стали нас бить, мы услышали, что у Скорцени воспалился желчный пузырь. Больного отправили самолётом на родину.

Рассказчик с чувством благодарности произнёс:

– А нас спасал Олег.

Население, объяснил ветеран, прятало от немцев валенки – «в ямах под досками пола, на чердаках, в хлевах под сеном», а заниматься обысками немцам было некогда. Тыловая служба присылала недостаточно еды, ничего из тёплой одежды и обуви, но поезда доставляли вывезенное из Франции вино. Оно превращалось в лёд, бутылки трескались.

– Мы растапливали ледяные цилиндрики в котелках, Олег договаривался с людьми, и в обмен на спиртное ему давали валенки для нас. – Ветеран, улыбаясь от приятного воспоминания, с лаской в голосе произнёс по-русски: – Ва-лен-ки!

И добавил по-немецки:

– Для наших ног это был праздник!

Я поинтересовался, что стало с Олегом. Хансйорг сказал: их подразделение под Москвой сопротивлялось русским, как могло, приходилось сутками не смыкать глаз. Отступишь раньше соседей, офицеры пойдут под трибунал, но, если продержаться до того, когда соседи отступят, к вам зайдут во фланги и окружат. В этих непрерывных боях Олег исчез. Для него плен был хуже смерти.

– Надеюсь, он как-то где-то затерялся, переоделся и спасся, – произнёс рассказчик с тёплым чувством. – Возможно, потом воевал против нас.

Ветеран пустился в рассуждения. Солдат, если у него есть голова, должен воевать, пока дела идут хорошо или хотя бы сносно. А когда всё идёт прахом, он из-за глупости высшего руководства превращается просто в отбросы.

Хансйорг сравнил немцев с итальянцами. Мы, немцы, мол, извека приучены к тому, что улучшение жизни приходит сверху от правителей как награда за неустанный честный труд, за исполнение приказов, следование закону.

– Нам не мешало бы хотя бы отчасти брать пример с итальянцев. Умирать за цели государства – это не по ним. Потому они плохие солдаты, зато отчаянные разбойники, которые храбро дерутся не за что-то, чего нельзя взвесить на ладони, а за свою личную выгоду. В старину они небольшой шайкой дерзко нападали на охрану сеньора и грабили его, зная, какую долю получит каждый из них. – Старый немец усмехнулся: – Это не то что изо дня в день рисковать своей шкурой с единственной надеждой – в лучшем случае остаться в живых.

– Как только американцы высадились на Сицилии, – продолжил ветеран, – итальянцы, которые и до того воевали без всякой охоты, перестали сопротивляться. Свои же фашисты арестовали Муссолини.

Хансйорг вернулся к личности Отто Скорцени. О нём-де пораздували сказки, в сорок пятом союзники ждали какой-то неслыханной схватки с ним и его людьми в австрийских Альпах, а он просто мирно сдался. За это его отпускали из лагеря к семье, лечили от болезней, оперировали, перестали держать за решёткой, а потом за оградой лагеря, и он скрылся. Спокойно жил в Испании, умер своей смертью, а слава о нём как о сверхчеловеке осталась.

Добавлю от себя: легендарный диверсант прожил не слишком долго – шестьдесят семь лет.

Старый немец в раздумье

– Я должен дать корм животным, – сказал хозяин.

Он встал со стула и, когда с вилами проходил к кормушке мимо бычков, один из них вдруг лягнул его задней ногой по заду.

– О, проклятый! – Хансйорг повернулся к бычку, сказал ему беззлобно: – Я тебя понимаю. Ты хорошо знаешь, ради чего я тебя кормлю.

Удар, видимо, был несильным. Уве, сидя со мной за столиком, смеялся.

– Ты его запомни и зарежь для нас! – крикнул хозяину, а мне объяснил: зимой один бычок предназначается для друзей.

Кому достанется одна нога, кому другая, кому – печень, кому – мозги. Семья Уве получает то грудинку, то желудок.

– Что вы с ним делаете? – спросил я.

– Фаршируем сыром, чем-нибудь ещё.

Друзья, как и Уве, привозят Хансйоргу овощи, живущие в городе привозят виски: американский, ирландский, шотландский, коньяки, мартини.

– Но он ничего этого не пьёт. У него два сына и дочь, всё отдаёт сыновьям и зятю, – сообщил мой друг и добавил: – А твою водку не отдаст, сам будет пить по стаканчику в день.

– Почему?

– Будет вспоминать Россию, – услышал я.

Тот, о ком мы говорили, прежде чем присоединиться к нам, зашёл в вагончик, вынес тазик бананов и произнёс:

– Настоящий старый немец не может жить без бананов.

Я выразил удивление, и мне было сказано:

– Мы привыкли к ним, когда стали морской державой. Купец Адольф Людериц купил для Германии Юго-Западную Африку, потом нашими стали Восточная Африка, Новая Гвинея.

Хансйорг говорил о конце XIX века.

– Тогда мы почувствовали, что и у нас есть место под солнцем и потому полюбили бананы! – ветеран заключил эту фразу словами: – А потом немцы поняли, что родились заново, когда бананами их обеспечил Людвиг Эрхард!

Хансйорг имел в виду министра экономики Людвига Эрхарда, благодаря которому свершилось экономическое чудо: после разгрома Германии в пух и прах Западная Германия к середине 1950-х годов избавилась от нехватки каких-либо товаров, вернулась на мировые рынки и по уровню жизни населения стала одной из самых благополучных стран Европы.

– Позже и нам, восточным немцам, стали доставлять бананы, – с удовлетворением произнёс Хансйорг.

Мы очищали и ели бананы, которые, сказал хозяин, ему привозят от родителей внуки, да в таком количестве, «что хоть бычков ими корми».

– Когда я был в плену, то видел, как в колхозах не хватает кормов для животных, – сказал он. – Голодали не только мы, пленные, но и колхозники, и животные.

Такое происходило, считал он, от беспорядка, а беспорядок царил оттого, что Россия всегда была велика, и цари, а потом Ленин, Сталин не могли контролировать всю территорию. Иное дело – Германия, в старину она разделялась на маленькие государства, и государь каждого из них держал всю свою землю перед глазами. Издаст указ и пошлёт жандармов проверить, как он выполняется. Жандармам далеко ехать не приходилось. Не послушался указа, тут же тебя накажут. И люди приучились слушаться. Например, было признано, что синица полезна, так как уничтожает мух. И вышел указ: кто убьёт синицу, заплатит штраф двадцать серебряных талеров. Никто не стал ловить синиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.